Текст · 8 ноября 2024, 18:32
Павел Васильев, Алла Константинова,

«Врач не способен желать зла ребенку». Последнее слово педиатра Надежды Буяновой в суде

«Я сопричастна к трем славянским народам». О прошлом

Я родилась в 1956 году в Украинской Советской Социалистической Республике. В городе Львове, выросла там. Украина входила в состав СССР. Принципом Советского Союза была дружба народов, взаимопомощь и взаимоуважение. Эта дружба прославлялась в стихах, воспевалась в песнях.

Русский язык был языком интернационального общения. Сама я из русскоговорящей семьи, закончила русскоязычную школу. Отец был русским по национальности, так написано в документах. Мама была беларуска, родилась в Белоруссии. Более 30 лет я живу и работаю в России. Больно читать, что написано в обвинительном заключении. Эти несправедливые, обидные слова: «По мотивам политической и национальной ненависти».

Какую национальную ненависть я могу испытывать на основании вышесказанного? Это абсурд. Ненависть — это слишком глубокое чувство, оно саморазрушительно для человека. Мне эти чувства не присущи как человеку и как врачу. Помощь медики оказывают независимо от национальной принадлежности больного.

Милосердие, человеколюбие — без этих моральных ценностей нечего делать в медицине.

Я сопричастна к трем славянским народам: русскому, беларусскому, украинскому. Как мне быть, какой выбор сделать? Я училась, работала, общалась, дружила с украинцами. Или я должна выработать злобу, подобную той, что у гражданки Акиньшиной? Это невозможно. Я не могу, и я не хочу. Как можно говорить о всей украинской нации, что они ненавидят русский мир? Несколько лет назад я шла во Львове по улице, это очень узенькая улочка, и вдруг я с трех сторон от себя слышу разговор — на русском, украинском, польском. И никто даже внимания не обращает. Это в порядке вещей.

В чем усмотрели политическую ненависть? Я не политик и не собираюсь ею заниматься. Меня нет ни в одной социальной сети. Смотреть новости, быть в курсе событий еще не означает разбираться и заниматься политикой. Я никогда не состояла ни в какой партии, не была депутатом или общественным деятелем. Для этого есть и другие люди, которые должны разбираться в политике, быть профессионалами.

Надежда Буянова и ее адвокаты в суде 8 ноября 2024 года. Фото: Александра Астахова / Медиазона

«Раньше были врач и пациент, теперь — обслуга и клиент». О работе в медицине

Наша профессия была всегда уважаема. В последнее время уважение стало исчезать. И отношение стало меняться. Если раньше были врач и пациент, то теперь — обслуга и клиент.

Нас, медиков, могут оклеветать, нахамить, обозвать самыми последними словами. Мы не можем себя защитить, объяснения не выслушиваются начальством, разбор конфликтов не проводится.

Когда произошла со мной данная история, по распоряжению свыше от меня решили тут же отречься. Нет человека — нет проблемы. Втихаря, как бы между прочим, не зачитывая приказ, меня уволили. Вот наглядный пример отношения к своим сотрудникам.

На моей работе надо быть серьезной и внимательной. Я всегда говорила: главное — ничего не пропустить. Я вынуждена дать сама себе рабочую характеристику: ответственно относилась к своим обязанностям и полностью с ними справлялась. Была дисциплинированна, исполнительна, обязательна. За все время работы я ни разу на работу даже не опоздала. Работоспособна, терпелива, постоянно повышала свой профессиональный уровень, отношения к родителям и детям спокойное, доброжелательное, внимательное.

В обвинительном заключении сказано, что я, имея возможность контактировать с неограниченным

кругом лицом, с учетом своего авторитетного положения могла воздействовать на сознание людей и формировать у них негативное отношение. Разве я одна общаюсь с большим количеством людей? А другие врачи? Преподаватели? Священники? И многие-многие другие? Они разве не могут воздействовать на сознание людей? Так можно любого оговорить.

К дежурному врачу был очень плотный поток людей. Повышенная заболеваемость была пневмонией. Делалось все по накатанной: поговорить, собрать историю заболевания, прослушать внимательно ребенка. Потом мазки взять — не один мазок, три берется. Потом все бумажки эти подписываются, складывается все это. Потом направление на анализы давать, лечение — это все требует времени, на это у меня уходило больше чем полчаса. А больные все шли, шли и шли.

При столь интенсивной работе какие разговоры еще могут быть? Я никогда никаких посторонних разговоров не вела: работала восемь часов без обеда. Заведующая не могла организовать для дежурного врача 30-минутный перерыв на обед, в то время как все остальные его имели. У меня стоял термос — порой вот возьму, хлебну, быстро-быстро! Я согласилась, значит, я так буду работать. Ну нет перерыва — значит, нет.

«Я сразу поняла, что они какой-то подлог делают». Об обвинении

Что за человек эта Акиньшина? Без каких-либо моральных общечеловеческих принципов. Человек живет злобой, могу только посочувствовать. Таких как она, надо привлекать к ответу за клевету. Нет доказательств, что был какой-то разговор, нет аудиозаписи. На нет и суда нет — так гласит поговорка. Почему мне не верят?

Врач, тем более педиатр, не способен желать зла ребенку, его матери, травмировать психику ребенка. Только изверг на это способен — и на те слова, которые я якобы им сказала.

Очная ставка проводилась на четвертые сутки после посещения поликлиники. На вопрос адвоката Черджиева, присутствовал ли ребенок при разговоре, она спокойно, четко и уверенно ответила: «Нет, ребенка не было».

Ребенок [на приеме] вел себя очень спокойно, его слышно не было, тишайший ребенок. Со мной вообще не разговаривал, слова от него не слышала. Мать же вела себя очень нервно. Слышала, что она говорила о какой-то другой школе. Я подумала, что речь шла, возможно, о музыкальной школе. И тут мать ему громко и язвительно ответила: «А-а, ты думал, что в школу не пойдешь? Нет, ты пойдешь в школу». Вот в такой интонации. Оказывается, из-за плохой успеваемости ребенка речь шла о переводе в другую школу. Я еще подумала, что нехорошо, [мать] так разговаривает с ребенком.

Акиньшина постоянно меняла показания. Мне не 80 лет, чтобы все забывать и путаться. На очной ставке она сказала, что ребенка не было, он вышел. Это

в моем присутствии было записано. Потом, когда закончилась очная ставка, [Акиньшина] спросила: «Я могу быть свободна?». «Да, вы можете быть свободна». Вскоре уехал адвокат Черджиев Оскар Астемирович. Какой-то разговор у него был с [следователем] Бочаровым насчет копии очной ставки. Ушли. И вдруг через какое-то время она заходит опять в кабинет, заходит и садится на место секретаря. И так, как будто у себя дома, вальяжно, спокойно, как будто, знаете, она свой человек, то есть человек без комплексов, без какого-то стеснения, правил поведения, а эта секретарь садится за стол Бочарова и начинает что-то печатать.

Я сразу поняла, что они какой-то подлог делают, но я ничего не стала говорить. И тут Бочаров подходит к ним и говорит тихонечко, диктует, подсказывает: «Дверь была открыта, и другие тоже слышали». Вот были его слова. Я заволновалась. Когда меня уже отвели в следственный изолятор, и в памяти все прокручивала, я заволновалась, а взял ли Оскар Астемирович копию очной ставки.

На другой день меня, перед тем как идти в зал судебных заседаний, в какую-то комнату заводят, там мужчина сидит — ни документов, ни фамилии, ничего не сказал, только: «Меня звать Евгений. Я по борьбе с экстремизмом. Есть ли у вас какие-то пожелания?». Я рассказала эту историю, и про дверь, и все рассказала. [Он сказал:] «Хорошо». Начинается судебное заседание, вижу, Оскар Астемирович уже на месте, ему рассказываю. Он говорит: «Нет, я копию взял». И говорит: «Вы же понимаете, для чего они это сделали?». А потом говорит мне: «Они

изменили последнюю страницу очной ставки. Они перепечатали это все».

Я вела три года ребенка и видела, что это за ребенок. Не каждый взрослый так свою речь построит. А это семилетний ребенок, к тому же с плохой успеваемостью, в первом классе.

Можно ли говорить о нормальном физическом состоянии Акиньшиной после этого, если даже в суде не смогла указать дату посещения поликлиники? И меняет постоянно показания. Обижена на весь мир из-за того, что сын лишился отца. Да, это больно, обидно. Но в семилетнем возрасте памяти об отце мало останется.

Следствие не хочет признать, что доказательств дать не может. Их просто нет, этих доказательств. Вот и придумали так называемый «допрос» ребенка на дому. Замечательно. Домашняя обстановка, мать в соседней комнате, психолог, которого случайно нашли в Москве.

В заключение хочу сказать, что вины за собой не признаю и считаю себя невиновной. Прошу суд меня оправдать.

Редактор: Анна Павлова